

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

УДК 330.8

А. В. Валеров

КРЕДИТ В РУССКО-НЕМЕЦКОЙ ТОРГОВЛЕ XIII–XV вв.

Изучение средневековых русско-немецких торговых взаимосвязей является традиционным направлением для европейской историко-экономической науки. Неоднократно в поле зрения исследователей попадал комплекс данных о кредитных операциях, величине взимаемого процента, взыскании долга с имущества. Распространение кредита в русской внешней торговле всегда связывалось с деятельностью в Восточной Прибалтике северо-германских торговых городов, объединившихся к XIV в. в крупнейшую конфедерацию — Ганзейский союз, а также ливонских городов — Дерпта, Ревеля, Риги и Нарвы. География и масштабы русско-немецких торговых связей, ассортимент сбываемых товаров привели к возрастанию роли кредита, к необходимости и экономической целесообразности использования всех возможных вариантов кредитных сделок: товарного (бартерного) кредита; коммерческого кредита, опосредованного товарами и деньгами; ростовщического кредита, объектом которого являлись исключительно денежные средства.

За редким исключением кредитные формы товарообмена, возникшие в ходе средневековой торговли Руси с Западом, частично рассматривались в общих и специальных трудах по истории торговли и торгового права. При этом они оценивались либо как «сложные и развитые» [1, с. 165; 2, с. 137], либо как «непрочные» и «примитивные» [3, с. 211; 4, с. 242].

Несмотря на относительную изученность некоторых вопросов, содержание института кредитования, многообразные виды кредитных сделок в русской внешней торговле, характер их функциональных взаимосвязей с платежными средствами и друг с другом, становление системы денежно-кредитных отношений в целом и ее влияние

Алексей Валентинович ВАЛЕРОВ — канд. ист. наук, доцент кафедры теории кредита и финансового менеджмента Экономического факультета СПбГУ. Окончил Исторический и Экономический факультеты СПбГУ. В 2000 г. защитил кандидатскую диссертацию. Сфера научных интересов — теория и история кредита, денежное обращение, публичные финансы, рынок ценных бумаг, теория и практика источниковедения. Автор более 30 научных и учебно-методических публикаций, в том числе одной монографии.

© А. В. Валеров, 2011

на экономику в период после распада Древнерусского государства не являлись предметом специального изучения. Почти не исследованными остаются вопросы о степени развития и пределах распространения кредита в системе русско-немецких торговых связей, об особенностях взаимодействия норм германского и русского права в процессе эволюции института долгового обязательства. В связи с этим предметом данной статьи является рассмотрение практики использования различных форм кредитных сделок в рамках русско-немецкой торговли XIII–XV вв. и связанных с ними процессов возникновения простейших кредитных инструментов, а также формирование правовой базы, регулирующей их обращение.

Особенности внешнеторговой деятельности и денежного обращения средневековой Руси в XIII–XV вв.

XII столетие знаменовалось наступлением так называемого безмонетного периода, продолжавшегося до конца второй трети XIV в. Среди причин, обусловивших демонетизацию платежного оборота, были неблагоприятные условия сырьевой базы чеканки, а также отсутствие экономической и политической организации обращения собственной монеты [5, с. 184–185]. Это было «очень странное, необычное явление в истории русского денежного обращения», когда прекратился приток монет из Европы и главным платежным средством на Руси стали выступать большие неразменные серебряные слитки — гривны, которые использовались при обслуживании крупных торговых операций [6, с. 62]; при этом особую роль во внешнеторговых операциях играла Северо-Западная Русь (главным образом Новгород и Псков) — через нее поступало серебро из европейских стран и вывозились товары из древнерусских земель, Византии и Востока. Высокий удельный вес в денежном обращении стали занимать серебряные слитки собственного литья, выпуск которых был гораздо продуктивней, чем монетная чеканка [7, с. 242]. В Северо-Западной Руси сформировалась своеобразная денежно-весовая модель, основанная на использовании в обращении двух параллельных единиц — гривны серебра и новгородского серебряного рубля.

По мнению В. Л. Янина, теоретическая масса гривны серебра изначально составляла около 204 г [5, с. 46; 8, с. 19], в то время как вес новгородского рубля безмонетного периода равнялся 170,1 г серебра [5, с. 152]. В XIII в. в Новгороде реальный вес одной гривны серебра (длинный слиток) был равен 196,1 г чистого серебра и включал 15 гривен кун, новгородский рубль (короткий слиток) конца XIII–XIV в. делился на 13 гривен кун. Сама гривна кун, будучи основной единицей в обеих линиях развития денежной системы Новгорода, имела массу 13,08 г серебра [9, с. 172–177; 10, с. 365] и широко использовалась в торговле и нетоварных платежах.

Ганзейская и ливонская торговля Руси

Наступление безмонетного периода, вызванное дефицитом на Руси благородных металлов, стало одной из причин широкого распространения кредитных отношений среди новгородских купцов, торговавших в первую очередь с Ганзой.

В договоре неизвестного смоленского князя с Ригой и о. Готланд, составленном в первой четверти XIII в., предусматривался первоочередной порядок расчетов с иностранным кредитором, а также утверждался принцип ответственности должника,

его наследников или поручителей. Аналогичные нормы содержатся в постановлениях обширного договора Смоленска с немецкими торговыми городами (Смоленская торговая правда), заключенного в 1229 г. и распространявшего свое действие на Полоцкую и Витебскую земли [11, с. 10–11, 21–22]. В проекте договорной грамоты Новгорода с Любеком и Готландом от 1269 г., регулирующей торговые отношения между новгородскими и немецкими купцами, засвидетельствован общий порядок взыскания с главного должника и поручителя. С обеих сторон запрещался арест задолжавшего купца, предписывалось судебное разрешение спора, а также преимущественное погашение долга перед иностранным кредитором. Гарантировалась безопасность имущества должника: угроза санкции в виде конфискации товара следовала только на третий год после просрочки и неуплаты долга [12, № 31, с. 60–61]. Отразившиеся в смоленских и новгородских актах XIII в. нормы торгового права указывают на значительную роль кредита в русско-немецкой торговле.

Вместе с тем обязательственные отношения еще носят архаические черты, сложившиеся в эпоху натурального хозяйства в условиях недостаточно развитых внутренних связей. Долг совершался и погашался непосредственно натурой и не сопровождался денежной оценкой предметов обмена. Эквивалентом риска, связанного со сделкой, выступало не имущественное взыскание, а право обратиться к неисправному должнику в холопство, т. е. долговое рабство. Основанием для поручительства являлись родственные связи, а поручитель (жена) отвечал наравне с главным должником (мужем) [12, № 31, с. 61].

На широкое использование кредита в русско-ганзейской торговле прямо указывает скра — устав немецкой торговой фактории в Новгороде (двор святого Петра), известный в семи редакциях. Две самые ранние редакции скры относятся еще к XIII в. [13]. По всей видимости, распространение кредитных сделок в русско-ганзейской торговой практике оказалось столь масштабным, что уже к концу XIII в. стало наносить ущерб коммерческим интересам самой Ганзы. Именно поэтому во второй редакции скры, составленной около 1295 г. и основанной на любекском праве, появился запрет на торговлю в кредит с русскими купцами [13, S. 68]. Аналогичная статья встречается и в «Постановлении объединения немецких купцов на Готланде для гостиного двора в Новгороде начала XIV века» [13, S. 119; 14, с. 91]. На протяжении XIV в. запрет на кредитные операции со стороны Ганзы подтверждался неоднократно. Вероятно, на практике ганзейские купцы зачастую не соблюдали соответствующую правовую норму и тайно участвовали в кредитных сделках.

Ограничение свободы кредита в русско-немецкой торговле было вызвано как нежеланием нести коллективную материальную ответственность за несостоятельных должников перед лицом русских кредиторов [4, с. 242], так и увеличением товарооборота и, следовательно, падением цен, что вело к сокращению прибылей всей Ганзы [2, с. 130].

Компенсировать убытки от понижения рыночных цен в русско-немецкой торговле ганзейцы пытались при помощи жесткой регламентации сделок купли-продажи и консервации архаичных форм товарообмена. Для удержания нормы прибыли на прежнем уровне широко практиковалось взимание дополнительного количества товара в виде установленных неписаными обычаями даровых добавок (*urgift*), «наддач» и взвешиваний с «походом» [15, с. 37–42]. Ганзейскими постановлениями 1346 г. суммой в 1000 марок ограничивался размер капитала, который немецкий купец мог пускать в оборот

в Новгороде [16, № 2821, п. 27, стб. 140–141], что не давало возможности в течение продолжительного времени осуществлять торговые операции. Кроме того, значительный привоз товаров мог вызвать упадок цен на новгородском рынке. В результате ограничений, введенных Ганзейским союзом, новгородско-немецкая торговля приобрела до некоторой степени ярмарочный характер.

Что касается практиковавшихся в новгородско-ганзейской торговле форм кредита, то на раннем этапе наиболее распространен был товарный или бартерный кредит, предусматривавший получение товаров с отсрочкой поставки их эквивалента (разновременный обмен, бартер). В процессе такой кредитной сделки новгородцы, предоставив товары в кредит, приурочивали окончательный расчет к определенному сроку после реализации полученного товара [17, с. 159; 18, с. 142–143; 2, с. 131–132 и след.]. Через определенный временной интервал, составлявший, как правило, год, погашение долгового обязательства осуществлялось встречной поставкой заказанного товарного эквивалента. Заключение кредитной сделки, в отличие от других форм товарообмена, обязательно требовало письменной фиксации в виде составления формализованного акта [18, с. 142]. Предоставление кредита не зависело от географического фактора и нередко пункты первоначальной сделки и окончательного расчета не совпадали [2, с. 137]. Закупка товаров с отсрочкой платежа получила название кредитной, или бартерной, мены, считающейся исторически первой формой коммерческого кредита [19, с. 94]. В условиях отсутствия постоянного менового оборота она позволяла решить проблему синхронизации между моментом получения средств и платежами за товары без использования наличных денег [20, с. 39].

Причину развития данной формы кредита следует искать как в дефиците драгоценных металлов в самом Новгороде, так и в предпринимаемых Ганзой попытках запретить экспорт серебра в русские земли. Доминируя в посредническом обмене на Балтике, ганзейский торговый капитал стремился использовать свое влияние на образование цен обращающихся товаров. Еще одним важнейшим принципом торговли с Русью, которого придерживался в данный период Ганзейский союз, было признание законной исключительно натуральной формы обмена. В новгородских гривнах серебра и рублях (соответственно, длинных и коротких слитках) осуществлялась лишь оценка обмениваемых товаров [21, с. 153–155]. Прекращение притока иноземного серебра на Русь способствовало тому, что продукция русских промыслов, прежде всего пушнина, временно стала выполнять функции денег, хотя всеобщим эквивалентом по-прежнему выступало серебро. Исследования М. П. Лесникова показывают, что в составе товарооборота новгородско-ганзейской торговли XIV–XV вв. ассортимент мехов был весьма обширным [22, с. 64–72].

Изнашиваемость пушнины ограничивала ее использование в качестве средства обращения и становилась естественным препятствием к стандартизации оценки шкурок. Попытки придать шкуркам однообразную стоимость за счет выравнивания цен в пунктах обмена в сочетании с постоянным падением их потребительной ценности превращали товарные деньги в кредитные знаки. На этой основе прогрессировал товарный кредит, хотя в условиях преобладания розничного обращения он неизбежно замыкался в рамки частной кредитной сделки [5, с. 187].

Наряду с Любеком и Готландом крупнейшим торговым контрагентом Новгорода, Пскова, Полоцка, Смоленска и Витебска на рубеже XIII–XIV вв. стала Рига — независимый центр на Балтике, входивший в состав Ганзейского союза. Несмотря на принад-

лежность к Ганзе, ливонские города в своей торговой политике стремились избавиться от обременительного посредничества северогерманских купцов в товарообмене с русскими землями. Возрастающее влияние Риги выразилось в том, что учрежденная еще в 1225 г. рижская серебряная марка к началу XIV в. уже имела значение общеливонской валюты и на ее основе чеканилась монета во всех денежных дворах Ливонии. Одновременно Рига добивалась отмены кельнско-любекских мер веса и введения собственных весовых единиц [23, с. 111, 120–122]. Стремление проводить самостоятельную внешнеторговую политику обусловило рост числа операций между Ригой и городами Северо-Западной Руси. Видимо, не случайно весовое содержание рижской серебряной марки рассматриваемого периода в 204,6 г [24, с. 210; 27, с. 112] и новгородской гривны серебра в 204 г почти совпадало.

В рижской долговой книге за 1286–1352 гг. сохранились данные о количестве сделок по займам, заключенным местными торговцами в данный период [25, S. 1–119]. Большую часть записей книги составляют сведения о денежно-кредитных сделках (около 72% всех записей) и товарном кредите (около 28% записей). О масштабах торговли между Ригой и Северо-Западной Русью свидетельствует тот факт, что 17% всех записей фиксируют сделки с русскими купцами [26, с. 39]. С рижским купечеством русских торговцев связывали кредитные операции не только пассивного, но и активного характера. Значительный денежный кредит на сумму 180 серебряных марок в 1296 г. предоставили Степан и его сын Ксенофонт некоему Эверрарду [25, S. 27]. Отдельные немецкие торговые дома (Брунов из Кёльна и Гельмиций) осуществляли кредитные операции почти исключительно с русскими купцами, выступая в роли своеобразных банкирских контор [25, S. 108–111]. Оформление и погашение долговых обязательств происходило как в Риге, так и в русских торговых центрах, где имелись постоянные немецкие фактории.

Монополия северогерманских городов Ганзы во главе с Любеком в посреднической торговле товарами русского экспорта, а также недостаток благородных металлов в условиях безмонетного периода способствовали тому, что основной формой кредитной сделки в русско-ливонской торговле стал ростовщический кредит, вытеснивший из практики бартерную мену (разновременный обмен однородных товарных эквивалентов) и предусматривавший предоставление ценности с отсрочкой платежа, уплату процентов и погашение долга в денежной форме. В отличие от новгородско-ганзейской торговли товар при этом бывал лишь дополнением денежной ссуды. В таких сделках использовались различные формы коммерческого кредита, основанные преимущественно на смешанном кредитовании, когда выраженные в денежной оценке товары обменивались на долговое обязательство предоставить близкий по стоимости товарный или денежный эквивалент с отсрочкой платежа.

Во второй половине XIV в. чрезмерный вывоз серебра из Европы, упадок европейской горной промышленности, а также разорительные феодальные войны привели к ухудшению состояния финансов ганзейских городов [27, с. 108]. Резко понизилось серебряное содержание рижской марки, вызвав ее обесценивание в несколько раз по сравнению с маркой чистого серебра, что сопровождалось чеканкой неполноценных монет [28, с. 165–167]. После принятого в 1373 г. съездом ганзейских городов в Росток запретом сроком на два года на экспорт в Новгород западноевропейского серебра [29, с. 120] одним из его главных поставщиков на Русь с конца XIV в. и вплоть до Грюнвальдской битвы стал Тевтонский орден.

Система новгородско-прусских торговых отношений имела некоторые отличия по сравнению с ганзейской торговлей. Записи счетоводных книг Ордена за период конца XIV — до начала XV в. показывают, что, кроме серебра, плоды фигового дерева оказываются единственным товаром, который крестоносцы завозили в Новгород. Очевидно, что торговля с Орденом для Новгорода имела значение только как средство получения некоторого количества серебра. В свою очередь, посредническая торговля товарами русского экспорта играла едва ли не ключевую роль в экономике Ордена. Вывозить в Новгород серебро, покупать там пушнину и воск, продавать их в Нидерландах и оттуда привозить сукно в Пруссию для Ордена — составные этапы товародвижения в рамках выгодной торговой операции [30, с. 264–265]. Для этих целей в расчетах с участием новгородского купечества использовалась многосторонняя кредитная сделка со следующей схемой. Выехав в Новгород с определенным количеством серебра, орденский приказчик закупал там часть пушнины и воска. В расчетах использовались не монеты или слитки, а куски металла произвольного веса. На другую часть товаров предоставлялась отсрочка платежа. Реализация приобретенных в Новгороде пушнины и воска осуществлялась на рынках Прибалтики и Нидерландов. После этого происходил окончательный расчет с новгородскими торговцами. На данном этапе товарооборота в качестве средства платежа, видимо, могли фигурировать уже не только слитки различного веса (*lötigis silber*), но и прусские серебряные марки, а также фландрские ливры. По содержанию серебра фландрский ливр приблизительно равнялся новгородскому рублю (см. [22, с. 86]).

Таким образом, в прусско-новгородской торговле основной формой товарного обмена являлась коммерческая сделка, осуществляемая на принципах кредита: новгородские купцы предоставляли немецким партнерам пушнину и воск с отсрочкой платежа и обязательством погашения в слитках или иностранной валюте в будущем. Особенностью таких кредитных операций был обмен новгородских товаров исключительно на благо особого рода — серебро — благородный металл, служивший всеобщим эквивалентом. Функционируя в качестве общепризнанного платежного средства, серебро посредством кредита становилось также формой перемещения и перераспределения богатства от одних хозяйствующих субъектов к другим.

Ростовщический процент и торговая прибыль

Ростовщический кредит. Отрывочные данные русских источников не позволяют в точности характеризовать существовавшие размеры процентных ставок и формы учета процента. Сохранившиеся сведения в большинстве своем касаются «резоимства», т. е. процентов по денежным займам. И. Э. Клейненберг предположил, что в Новгороде к началу XV в. величина делового заемного процента, в отличие от ростовщического, «лихвенного», составляла 10% годовых, что стало следствием быстро развивающейся заморской торговли [4, с. 247, 251]. Вместе с тем рост товарно-денежных отношений создавал предпосылки для расширения и собственно «лихоимства» — ростовщических операций, где процентные ставки по ссудам могли достигать 25% [31, с. 62]. Характерно, что древнерусские церковные поучения, осуждавшие отдачу денег в «лихву», считали легким и нравственно простительным рост в 7 резан на гривну кун, т. е. 14% годовых [32, с. 184]. Новгородский епископ Нифонт призывал проявлять милосердие и советовал брать только «легкий рост» из расчета 3 или 4 куны на гривну вместо поло-

женных 5 кун [33, с. 25]. Учитывая, что в новгородской гривне XIII–XV вв. содержалось 28 кун [9, с. 164–165, 172–173], нетрудно определить, что рекомендованный церковью процент составлял 10–14% годовых, при обычных 17–18%. Скорее всего, в большинстве случаев размер взимавшегося процента по ростовщическому кредиту вряд ли превышал 20%, как это было установлено еще Русской Правдой [34, с. 110, 127].

В немецких источниках коммерческого характера XIII–XV вв. фактически не сохранилось сведений о процентных нормах того времени. Некоторые данные можно почерпнуть из Рижской долговой книги, по которой обычная величина заемного процента колебалась в пределах 8–10% годовых, иногда опускаясь до 5% или возрастая до 22%, что близко к максимальному законному проценту Русской Правды [1, с. 198–199].

Официальный запрет на взимание процентов христианами, введенный со стороны католической церкви, вынуждал русских и немецких купцов не указывать в записях о совместных кредитных операциях величину установленных процентов. В связи с этим изыскивались пути для обхода данного запрета. Стремление завуалировать прибыль (а следовательно, и процент) освещалось религиозными догматами и этико-экономической моралью средневекового общества.

Самым простым и, видимо, наиболее распространенным способом негласного взимания ростовщических процентов была принятая и в настоящее время практика вычета процентов из номинала предоставленной ссуды [7, с. 122].

Товарному и коммерческому кредиту процент функционально не свойствен. Но поскольку здесь основу составляет сделка купли-продажи, осложненная сделкой ссуды, то приносимая торговым капиталом прибыль может трактоваться как процент в том смысле, что обе данные категории являются превращенной формой прибавочной стоимости [35, с. 401]. После принятых папской курией постановлений об ограничении процента бартерный и коммерческий кредит стали идеальными формами кредитной сделки, позволявшими обходить установленные запреты.

Коммерческий кредит. В коммерческом кредите для сокрытия величины начисляемых процентов использовались различия в денежно-весовых системах, имевших наибольшее распространение в европейских странах. Для этих целей служила широко применявшаяся система стабилизации цен. В условиях господства феодального способа производства установление стабильных цен достигалось посредством изменения величины единиц измерения товара на пути его следования. Чем дальше от места первоначальной продажи товар становился объектом обмена, тем больше уменьшалось реальное содержание одноименных весовых единиц при сохранении неизменной номинальной цены [15, с. 42].

И. М. Кулишер, обративший внимание на данный факт, объяснял низкий уровень цен на товары русского экспорта паразитической ролью новгородского купечества, монополюно торговавшего с Западом. Вывозимая в Западную Европу пушнина рассматривалась им главным образом как дань, собираемая с подвластных новгородцам земель. В результате торговля Новгорода носила посреднический характер, не могла быть значительной, а сам Новгород активной роли в этой торговле никогда не играл [36, с. 269–271]. Мнение И. М. Кулишера основано на неверной трактовке экономического и политического значения дани на Руси. Адресатом собираемой дани являлось не новгородское купечество, а государственная казна Новгорода, которой распоряжались городские власти с санкции местной общины. На рубеже XII–XIII вв. и в дальнейшем сбор дани в Новгороде совершался преимущественно серебром, а сами отноше-

ния данничества, в отличие от торговли, не носили постоянного характера и использовались как одно из средств материального обеспечения публичной власти.

Низкие цены на продукцию русского экспорта становились возможными не из-за дешевизны сбываемых товаров, а вследствие действия на всех этапах движения товара принципа ценовой выравненности, который являлся характерной чертой средневековой торговли на Балтике. Стабильные цены с этической точки зрения рассматривались общественным мнением как традиционные и справедливые. В результате разницы в уровне цен на пушнину и воск в Новгороде и Брюгге, местах закупки и конечного сбыта, была незначительной. В Данциге в конце XIV — начале XV в. цены были выше новгородских в среднем лишь на 1,31%, а иногда даже ниже их. Установивший данный «парадоксальный» факт М. П. Лесников, допуская «некоторую неточность расчетов», объяснял его экономической независимостью от Запада новгородского купечества, которое диктовало цены на экспортируемые товары [30, с. 276–278]. Соглашаясь в целом с выводом исследователя, следует заметить, что невысокая норма прибыли могла складываться ввиду особого характера кредитно-обменной операции. Предоставленный с отсрочкой платежа в Новгороде товар необходимо было оплатить равнозначным по ценности эквивалентом, но уже в денежной форме. Прибыль добавлялась к стоимости предоставленного займа товара, вследствие чего на новгородском рынке цены иногда оказывались даже выше европейских.

В торговом обороте XIV–XV вв. особенно велика была роль слитков, которые употреблялись как в оптовой, так и розничной торговле, выполняя функции средства обращения и средства платежа. Основной общепринятой мерой и формой движения слитков являлась марка чистого серебра (*marca argenti puri*), служившая эталоном, по которому юстировались единицы веса. Имея некоторые весовые различия в торговых городах Северной Европы, марка также становилась единицей денежного счета.

Несмотря на то, что в новгородско-ганзейской торговле в основу единицы измерения серебра был положен новгородский вес [37, с. 185], в расчетах с русскими купцами широко использовались слитки иностранного происхождения, которые затем переплавлялись и превращались в регламентированную денежную единицу, обращавшуюся на внутреннем рынке Руси [27, с. 103]. Договоры Новгорода с Ганзой и Ливонией не содержат статей, которые устанавливали бы разницу в весе на концах торгового пути, как это было в Риге и Полоцке. В новгородско-ганзейской торговле эта практика оставалась вне договорных рамок и регулировалась старинным обычаем. За счет подвижности веса денежных единиц прибыль не проявлялась как разница между ценами покупки и продажи (см. [15, с. 39] и др.). Это позволяло немецким торговцам активно участвовать в кредитных операциях и продавать товары русского экспорта с весьма умеренной наценкой. В подобных сделках реализация прибыли происходила в форме неэквивалентного обмена, отличительной чертой которого было изменение весового содержания денежных единиц на всех этапах товародвижения. Принцип неэквивалентного обмена можно считать основным законом ганзейской торговой системы [38, S. 26]. Так, в Риге, откуда серебро поступало на Русь, рублевый слиток должен был весить на ползолотника больше, чем в Полоцке, что было зафиксировано в Копысском торговом договоре 1406 г. [39, № 160, с. 125].

Товарный кредит. В товарной кредитной сделке размер процента составлял от 3½% до 7½%, что указывает на широкое распространение кредитных операций [1, с. 198–199]. Среди предметов русского экспорта, становившихся объектом товарного

кредита, в Рижской долговой книге чаще всего упоминается воск (в 30 случаях из 40), основной единицей веса которого считался берковец. В торговых городах Ливонии и Германии берковцу соответствовал шиффунт (*schiffpfund*, *лат.* — *navale talentum*), т. е. корабельный фунт, применявшийся в качестве весовой единицы в заморской торговле. Реальный вес берковца в прилежавших к Балтийскому морю центрах торговли не был одинаковым и зависел от фракционного количества и весового содержания самого фунта. Несмотря на неоднократные попытки унификации берковца, в международной торговле в XIII — начале XV в. использовались берковцы новгородского, рижского, револьского, тартуского и любекского веса [24, с. 212–213]. Рижско-полоцкие торговые договоры XIV–XV вв. показывают, что при покупке в Полоцке воска в кредит 1 берковец (шиффунт) должен был весить на 10 марковых фунтов больше, чем на рижском рынке [39, № 74, с. 54].

Еще более значительной была разница в величине весовых единиц для воска, закупаемого немецкими купцами в Новгороде. На рубеже XIV–XV вв. купленный в Новгороде берковец или шиффунт воска содержал 480 фунтов по 400 г каждый [23, с. 116–120; 15, с. 39–43]; в ливонских городах вес берковца уменьшался до 400 фунтов величиной 413–416 г каждый [24, с. 210–211; 23, с. 112]; в Любеке воск продавался шиффунтами, равными 320 фунтам по 477 г [15, с. 42–43]. В результате, приобретая у русских в кредит новгородский шиффунт воска весом в 192 кг, немецкие купцы могли реализовать его в Ливонии, где рижский шиффунт весил уже 166,4 кг, или в Любеке, продавая в качестве шиффунта 152,6 кг. Возникавшее от участия в подобной кредитной операции несоизмерительное различие в 25,6 кг (13,3%) и соответственно 39,36 кг (20,5%), образовывало излишек товара, принадлежащий торговцу-посреднику. Извлечение подобным образом дополнительного барыша стимулировало рост кредитных операций и тем самым способствовало дальнейшему развитию системы кредита.

В русско-ганзейской торговле XIV–XV вв. обычно практиковалась реализация товаров не для текущего потребления, а для дальнейшей продажи, а сам обмен носил преимущественно оптовый характер. Особенностью таких торговых операций был принцип кругооборота, когда привезенные товары реализовывались в одном пункте, а на вырученные средства приобретались товары для последующей их продажи в исходном пункте [19, с. 96]. Поскольку кредитная практика уже не ограничивалась одним ростовщичеством, то крупные платежи осуществлялись посредством разнообразных форм коммерческого кредита, который открывал широкие возможности для манипуляций с несоизмерительными единицами, в результате чего, помимо так называемой «справедливой» цены и обычной прибыли, образовывались излишки в натуральной форме, которые не фиксировались в хозяйственных книгах. В силу этого оформление прибыли на товарно-торговый капитал происходило не только в денежном, но и в натуральном или смешанном виде, и, следовательно, норма прибыли не являлась фиксированной величиной и могла варьироваться в каждом конкретном случае. Так или иначе, разница в содержании одноименных денежных и весовых единиц покрывала накладные расходы по перевозке товара, а в конечном итоге представляла собой не что иное, как прибыль с товара, или скрытый процент.

Первичные кредитные инструменты и регулирующее их законодательство

На пути следования из Новгорода во Фландрию товары попадали на рынки Риги, Данцига и Любека, где происходило встречное движение товарно-денежных потоков, порождавшее одновременное приобретение и прекращение кредитных обязательств. В условиях ограниченности купеческих капиталов и постоянного дефицита серебра объем денежной массы не мог служить эффективным средством ускорения товарооборота. В связи с этим на основе коммерческого кредита получает развитие такая форма кредитного обмена, как зачет — погашение взаимной задолженности купцов по торговым делам. Изменяется и роль самого коммерческого кредита, который без взаимного погашения платежей только отсрочивает расчеты наличными, но не заменяет их. На применение в русско-немецкой торговле практики взаимозачета встречных требований указывают акты Великого Новгорода, сохранившие свидетельства о подобных сделках (см. [12, № 42-43, с. 74–79; № 46, с. 80–83; № 49, с. 86–88; № 57-58, с. 95–96; № 60, с. 98–100], и т. д.).

Возникновение в системе кредита расчетов на основе зачета встречных требований приводило к тому, что товарообмен стал осуществляться в форме замкнутого кредитного цикла. Сумма возникших обязательств по платежам удовлетворялась посредством встречной поставки товарного или денежного эквивалента. Предоставленные в кредит или заем ценности не поглощались в процессе потребления, а возвращались к субъекту по окончании хозяйственного оборота. Отчуждаемая вещь одновременно как бы гарантировала право ее обратного выкупа, обуславливая экономические выгоды для обеих сторон сделки. В условиях постоянного циклического кругооборота товары приобретали объективную меновую ценность. На всех стадиях такого кредитного цикла капитал в своей товарной или денежной форме уже непрерывно находился в сфере обращения, функционируя как торговый, или коммерческий, капитал. Посредством кредитной сделки происходило воспроизводство коммерческого капитала и, как следствие, количественное возрастание самих кредитных операций. В результате к началу XV в. на рынках Северной Европы концентрация импортных и экспортных потоков стала сопровождаться своеобразным эффектом кредитной мультипликации, что способствовало ускорению процесса торговли и упрочению связей русских торговых городов с международными центрами обмена.

Эволюция форм вещного обеспечения кредитных сделок. Для бесперебойного функционирования кредитной торговли были необходимы хорошее знание законодательства и умелое пользование правовыми нормами стран, которые участвовали в данной торговле. Это способствовало сближению обычаев делового оборота и формированию единого рыночного пространства. Законодательство, ставшее закономерным результатом углубления торгово-кредитных отношений, само послужило важным фактором их дальнейшего развития. Отражением перемен в организации хозяйственной жизни стало также совершенствование обязательственных отношений.

Долговые сделки времен Русской Правды, как правило, содержали элементы неимущественной, а личной ответственности заемщика и сопровождалась поручительной формой залога. В германском средневековом праве господствующей формой залога являлась так называемая «*ältere Satzung*», при которой реальное обеспечение кредитной сделки в виде передачи владения определенной вещью не отождествлялось с уступкой права собственности в пользу кредитора [40, с. 29–30]. Залогодержатель

осуществлял временное владение и пользование заложенным имуществом, право собственности на которое сохранялось за должником. Залоговое отчуждение изначально ограничивалось вещными правами должника [41, с. 138–139]. В подобных сделках земля или другая недвижимость до погашения долга обычно переходила в распоряжение кредитора, и вместо процентов он получал доход от ее эксплуатации в виде сельскохозяйственных продуктов либо периодических рентных платежей. Юридическое господство над заложенным имуществом создавало предпосылки для бесконтрольного хозяйствования со стороны кредитора. Поэтому чрезвычайно важным становился вопрос о соответствии получаемого с имущества дохода величине ссужаемого капитала, о зачете дохода в проценты, о способах покрытия дефицита или целях использования излишка [42, с. 22]. В сущности, являясь ростовщической, кредитная сделка, сопровождаемая «*ältere Satzung*», была распространенным явлением эпохи развитого феодализма и соответствовала условиям замкнутого городского и сельского натурального хозяйства.

По мере роста купеческих капиталов и увеличения торгового оборота практика договорных отношений выработала «*neuere Satzung*» — форму залога, при которой собственник сохранял за собой право владения и пользования в течение всего срока займа. Кредитор получал право обратиться взыскание на предмет залога в случае неполучения от должника удовлетворения по требованию, обеспеченному заложенным имуществом [42, с. 25–28; 41, с. 139–141]. По общему правилу залогодатель ограничивался в праве распоряжения в том смысле, что не мог отчуждать или вновь закладывать находящуюся под залогом вещь. В Любеке, например, кредитор не мог запретить отчуждение, а приобретал преимущественное право покупки или право выкупа [40, с. 78–81].

Кредитная сделка, осложненная залогом, не связанным с передачей имущества кредитору, предполагала использование занятых денег и товаров в целях извлечения прибыли в производстве или торговом обороте. Мера платежеспособности определялась не столько собственным имуществом заемщика, сколько размером его предпринимательской деятельности. С точки зрения заимодавца, отданный в кредит капитал также оставался в хозяйственном обороте, увеличивая его размеры и выступая обеспечением собственного дела.

Перемены в организации кредита ранее всего проявились в тех европейских городах, которые активно участвовали в нидерландско-балтийской торговле. Наряду с Любеком и Бременом залоговая сделка нового типа получила распространение в Риге и Ревеле, о чем свидетельствуют ливонские акты 1288, 1317 гг. [43, 1044 b, № 36, 38, стб. 185–186] и 1358 г. [44, 980, № 23, стб. 684]. По подсчетам Ф. Беннингхофена, из упоминаемых в Рижской долговой книге 1397 участников сделок 100 являлись русскими купцами, причем 9 из них — натурализовавшиеся рижские бюргеры [45, S. 150–155]. Некоторые из них выступали собственниками земельных участков в пределах города и иногда использовали их в кредитных сделках в качестве залогового имущества.

Появление документов вексельного типа. С развитием института взаимного погашения платежей тесно связано возникновение прототипа векселя — письменного долгового обязательства, которое стали использовать для замены товарных и наличных расчетов, а также в качестве инструмента перевода денег. Распространение в торговле кредитной сделки, организованной по принципу «*neuere Satzung*», также сопровождалось появлением специального документа, который оформлял вещное правоотно-

шение, выражавшее волеизъявление собственника объекта залога и служившее для обеспечения требования кредитора.

Исследователями высказано мнение, что из-за сложностей, сопровождавших торговлю Новгорода с Ганзой, кредитные документы западноевропейского типа использовались немецкими купцами лишь между собой [46, с. 271]. В действительности запреты на кредитную торговлю с русскими купцами в расчетах легко преодолевались путем совершения сделок в прибалтийских городах — Выборге или Нарве, не являвшихся членами Ганзы и игнорировавших постановления ганзейского законодательства. Известен текст составленной около 1439 г. грамоты новгородских властей к колыванскому (таллинскому) магистрату с требованием суда над Иваном Амбуром по жалобе на него новгородца Кузьмы Ларионовича. Новгородский купец, заключив в Ругодиве (Нарве) соглашение с ливонцем Иваном Амбуром, передал ему партию пушнины в обмен на обязательство поставить на следующий год в Таллин зерно. Заемное обязательство носило односторонний характер, не обеспечивалось поручительством или залогом и было оформлено в письменном виде так называемой «записной грамотой» [12, № 69, с. 114]. И. Э. Клейненберг полагает, что «записная грамота» представляла собой договор купли-продажи в кредит и подтверждала срок, ассортимент товара и иные условия поставки [18, с. 142–143]. Здесь возможно и другое толкование: оформление одностороннего обязательства стороны-должника «записной грамотой» о поставке в определенный срок товарного эквивалента стороне-кредитору, по сути, превращало такую «запись» в кредитный документ, выполнявший функции простого векселя. Осуществляемое в ходе обмена взаимное погашение обязательств позволяло в условиях ограниченности купеческих капиталов увеличивать прибыль и одновременно добиваться значительной экономии наличных средств. Уклонение прибалтийского торговца от платежа по выписанному им документу сопровождалось ответной реакцией русской стороны, что может указывать на применение в русско-ганзейской торговле норм зарождавшегося вексельного права, в частности использование принципа вексельной строгости (*rigor cambialis*), обеспечивавшего возможность принятия быстрых мер по взысканию долга. С конца XIV в. в договорах появляется упоминание пени, которые взымались за непогашенное в срок долговое обязательство [12, № 46, с. 82].

В торговых книгах ганзейского купца Гильдебранда Фекингузена, активно участвовавшего в начале XV в. в посреднической торговле на Балтике, вексель нередко упоминается в качестве инструмента расчета. Среди должников своего торгового товарищества Фекингузен называет и русского купца, который участвовал в кредитных операциях с пушниной [47, с. 146].

Становление вексельного обращения, в сущности, являлось противоречивым процессом. С одной стороны, оно вносило серьезные коррективы в монетный и слитковый хаос рассматриваемого периода, а с другой — ослабляло борьбу купечества с порчей монеты и способствовало сохранению этого явления [7, с. 125]. В отдельных случаях векселя служили средством обхода введенных Ганзой запретов на вывоз благородных металлов и на кредитные операции.

Роль и значение кредита в торговле Руси с немецкими городами-государствами

Возникнув в условиях безмонетного периода как временное явление, к началу XV в. кредитный обмен между крупнейшими торговыми центрами Северо-Западной Руси и западноевропейскими странами выделился в особый вид хозяйственной деятельности. Посредством различных форм кредита произошла реорганизация розничного обращения: функции денег стали выполнять обычные для русско-немецкой торговли товары, в том числе серебряные слитки. Благодаря участию в кредитной торговле на Балтике прежде замкнутое городское хозяйство феодального типа утрачивало архаические черты и тесным образом оказалось интегрированным в рамки общеевропейских торговых связей. Кредитно-меновые отношения способствовали усилению взаимозависимости местных рынков, связывая на продолжительное время хозяйствующих субъектов. Региональные и межрегиональные сферы обмена объединялись в один интернациональный рынок, охватывавший обширное пространство от Новгорода до Лондона. Являясь ключевым участником посреднической торговли на Балтике, русское (в особенности новгородское) купечество использовало доходы от кредитных операций для приобретения земельных владений, образовав тем самым обширный фонд вотчинных имуществ, нередко использовавшийся как объект залога в целях обеспечения долговых обязательств.

Сложившаяся к XV в. в русско-прибалтийско-ганзейской торговле система кредитования стала основой для устойчивого роста товарообмена между Восточной и Западной Европой. Она способствовала дальнейшему развитию товарно-денежных отношений и внедрению более совершенных форм торговли, содействовала превращению натуральных, преимущественно феодальных по своей природе, доходов в денежные и тем самым создавала предпосылки для первоначального накопления монетарно-торгового капитала. В таком значении кредит, в сущности, сам становился капиталом. Помимо ростовщичества в структуре платежного оборота значительная роль принадлежала долговым обязательствам, происходившим от предоставления товаров русского экспорта в кредит. Во всех видах кредитных сделок использовались скрытые методы учета процента и иногда практиковалось применение векселеподобных инструментов. Несмотря на внешние различия денежного, товарного и коммерческого кредита, влияние этих форм кредитования на размеры прибылей (процент) кредитора было одинаковым. Денежный кредит позволял извлекать выгоду за счет региональных различий в весовом содержании основного платежно-расчетного средства — серебряных слитков. В товарной кредитной сделке прибегали к занижению или завышению товарных цен в сочетании с изменением величины единиц измерения товара. В коммерческом смешанном кредитовании при образовании прибыли практиковалось применение и метрологического фактора, и фактора цены.

В целом в результате развития русско-немецкой торговли XIV–XV вв. в Северо-Западной Руси утвердилась своеобразная модель бартерно-кредитной экономики, в которой товары, деньги и долговые обязательства передавались против обещания встречной поставки в будущем того или иного эквивалента. Особенностью кредитного обмена в рамках данной модели были интенсивность торговых отношений, применение системы выравнивания цен в различных центрах торговли, изменение мер веса и манипуляции в расчетах валютных курсов. Все более очевидной становилась

и необходимость правового, антифеодалного по своей природе, регулирования рыночных процессов. В свою очередь, в рамках правообразования шло законодательное оформление тенденции в отношении установления прав выпуска и обращения кредитных инструментов. Возрастающие масштабы и интенсивность торгово-кредитных сделок приводили к необходимости совершенствования коммерческой и юридической техники их заключения, оформления и исполнения, что в конечном итоге послужило основой для будущего формирования вексельного права, более строгого и упорядоченного.

Литература

1. *Довнар-Запольский М. В.* История русского народного хозяйства. Киев; СПб., 1911. Т. I.
2. *Хорошкевич А. Л.* Кредит в русской внутренней и русско-ганзейской торговле XIV–XV веков // История СССР. М., 1977. № 2. С. 125–140.
3. *Аристов Н.* Промышленность Древней Руси. СПб., 1866.
4. *Клейнберге И. Э.* Заемный процент в Великом Новгороде первой четверти XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1974. Вып. VI. С. 241–251.
5. *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья: домонгольский период. М., 1956.
6. *Спасский И. Г.* Русская монетная система. Л., 1970.
7. *Михалевский Ф. И.* Очерки истории денег и денежного обращения. Л., 1948. Т. I. Деньги в феодальном хозяйстве.
8. *Янин В. Л.* О метрологической закономерности в развитии русских монетных норм // Археологический ежегодник за 1957 г. М., 1958.
9. *Янин В. Л.* Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1970. Вып. III. С. 150–179.
10. *Янин В. Л.* Русские денежные системы IX–XV вв. // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985.
11. Смоленские грамоты XIII–XIV веков / подг. к печати Т. А. Сумникова, В. В. Лопатин; под ред. Р. И. Аванесова. М., 1963.
12. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
13. *Schlüter W.* Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom. XIII–XVII Jahrhundert. Dorpat, 1911.
14. *Андреевский И. Е.* О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 году. СПб., 1855.
15. *Клейнберге И. Э.* Цена, вес и прибыль в посреднической торговле товарами русского экспорта в XIV — начале XVI в. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968. С. 32–46.
16. *Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch.* Riga, 1873. Bd VI.
17. *Кулишер И. М.* История русского народного хозяйства. Челябинск, 2004.
18. *Клейнберге И. Э.* Оформление договора купли-продажи и мены в ганзейской торговле Новгорода и Пскова // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1970. Т. III. С. 130–150.
19. *Канаев А. В.* Эволюция коммерческого кредита и формирование кредитного рынка // Вестн. С.-Петербург. ун-та. 2008. Сер. 5: Экономика. Вып. 2. С. 91–105.
20. *Канаев А. В.* Историческое и логическое в теории кредита: определение исходного понятия // Вестн. С.-Петербург. ун-та. 2006. Сер. 5: Экономика. Вып. 2. С. 29–41.
21. *Никитский А. И.* История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893.
22. *Лесников М. П.* Ганзейская торговля пушниной в начале XV века // Ученые записки Московского городского пед. института им. В. П. Потемкина. М., 1948. Т. VIII. Кафедра истории средних веков. Вып. I.

23. *Клейненберг И. Э.* Новгородский воцаной берковец XV в. // Советская археология. М., 1968. № 4. С. 110–125.
24. *Земзарис Я. К.* Метрология Латвии в период феодальной раздробленности и развитого феодализма (XIII–XVI вв.) // Проблемы источниковедения. М., 1955. Т. IV.
25. *Das Rigische Schuldbuch.* Herausgegeben von H. Hildebrand. SPb., 1872.
26. *Муравская Е.* Торговые связи Риги с Полоцком, Витебском и Смоленском в XIII–XIV вв. // Известия Академии Наук Латвийской ССР. Рига, 1961. № 2 (163).
27. *Хорошкевич А. Л.* Из истории ганзейской торговли (Ввоз в Новгород благородных металлов в XIV–XV вв.) // Средние века. М., 1961. Вып. XX. С. 98–119.
28. *Дорошенко В. В.* Цены на продукты сельского хозяйства в Ливонии XV века // История СССР. М., 1959. № 2.
29. *Клейненберг И. Э.* Серебро вместо соли. Элементы раннего меркантилизма во внешне-торговой политике Русского государства конца XV — начала XVI века // История СССР. М., 1977. № 2.
30. *Лесников М. П.* Торговые сношения Великого Новгорода с Тевтонским орденом в конце XIV в. и начале XV в. // Исторические записки. М., 1952. № 39. С. 259–278.
31. *Авдаков Ю. К.* Хозяйство русских земель в XIII — первой половине XV в. // История народного хозяйства СССР. Курс лекций. М., 1960.
32. *Ключевский В. О.* Боярская Дума Древней Руси. М., 1902.
33. Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. 6.
34. Правда Русская. М.; Л., 1940. Т. I. Тексты.
35. *Трахтенберг И. А.* Денежное обращение и кредит при капитализме. М., 1962.
36. *Кулишер И. М.* Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе. СПб., 1906. Т. I.
37. *Бауэр Н. П.* Денежный счет в духовной новгородца Климента и денежное обращение северо-западной Руси в XIII веке // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940. Вып. III.
38. *Fritze K.* Die Progressive Rolle des Hansischen Handelskapitals und ihre Grenzen // Hansische Studien. Bürgertum — Handelskapital — Städtebünde. Weimar, 1975. Bd XV. S. 15–34.
39. Русско-ливонские акты, собранные К. Э. Напьерским. СПб., 1868.
40. *Кассо Л. А.* Понятие о залоге в современном праве. Юрьев, 1898.
41. *Звоницкий А. С.* О залоге по русскому праву. Киев, 1912.
42. *Базанов И. А.* Происхождение современной ипотеки. Новейшие течения в вотчинном праве в связи с современным строем народного хозяйства. М., 1900.
43. *Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch.* Reval, 1857. Bd III.
44. *Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch.* Reval, 1855. Bd II.
45. *Benninghoven Fr.* Rigas Entstehung und der frühhansische Kaufmann. Hamburg, 1961.
46. *Мошенский С. З.* Эволюция векселя. Киев; Ровно, 2005. 446 с.
47. *Лесников М. П.* Торговая книга ганзейского купца начала XV в. Вводная статья М. П. Лесникова // Исторический архив. М., 1958. № 2.

Статья поступила в редакцию 15 июня 2011 г.